

МАРИЯ МАРТОВА

Мария Мартова

Ложка за ложкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72111127

ISBN 9785006735859

Аннотация

В книге собраны истории о самых обычных людях, существах и предметах, с которыми происходят не самые обычные события. Клоп может вступить в драку, мальчик подружиться с призраком, а куриное яйцо пуститься в путешествие. Пусть сказки сами незаметно за ложкой каши в легкой стихотворной форме расскажут о своих героях.

Содержание

Ложка за ложкой	5
Бояка и Пужок	8
1	9
2	12
3	15
4	17
5	20
6	24
7	27
8	31
9	33
10	38
11	42
12	45
13	48
14	51
15	54
16	59
17	61
18	65
19	67
20	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Ложка за ложкой

Мария Мартова

© Мария Мартова, 2025

ISBN 978-5-0067-3585-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ложка за ложкой

У раскрытого окошка
Как-то раз сидел Антошка,
Скучно на небо глядел,
Кашу кушать не хотел.

Мама так и мама сяк —
Нет, не кушает никак.
Папа маме помогает,
Кашу ложкой подгребает.

А Антошка отворот
Им настойчивый дает.
Подключилась баба к делу:
«Надо кушать. Духу, телу

Силы нужно набирать».
А Антошка: «Нет!» – опять.
Что же делать? Спасу нет.
И пришел на помощь дед.

Посмотрел старик на кашу,
Покряхтел. «И эту вашу
Кашу есть? Да я бы съел,
Только очень много дел

У меня. Когда Антошка
Скушал каши бы немножко,
Я тогда ему меж тем
Рассказал бы сказки“. — „Съем! —

Крикнул радостный Антошка. —
Где моя большая ложка?»
Мама с папой испугались,
За половником помчались.

Следом бабушка повсюду
Собрала на стол посуду
И уселась наконец
Слушать, что расскажет чтец.

Дед насупил бровь всерьез,
Натянул очки на нос,
Кашлянул, мигнул мальчишке,
Потянулся к толстой книжке,

Покряхтел, открыл обложку,
И молчит, и на Антошку
Строго смотрит: «Что сидишь?
Ну-ка, кашу ешь, малыш».

Внук за ложку ухватился,
А старик читать пустился.
Подружилась каша с ложкой,

Подружился дед с Антошкой.

Не за папу, не за маму,
А за сказочную драму
Внучек кашу с маслом кушал,
Сказки дедушкины слушал.

Бояка и Пужок

Средь широкого двора
Собиралась детвора.
День на солнце был богатым,
Было весело ребятам.
И ребята не скучали —
Развлекались и играли.
Кто послушен, смирен был,
Кто резвился и шалил.
Мирно с куклами девчонки
Приютились в сторонке,
А мальчишки всей гурьбой
Шли с задорным криком в бой.
Ни к чему им тишина —
Вот бы драка да война;
Поразмяться бы руками,
Помахать бы кулаками.
От такой-то бурной схватки
Были только неполадки:
И разбросанные палки,
И снесенные качалки,
И разбрызганные лужи,
И побитые – нет хуже —
Лавки, урны, двери, стенки
И мальчишечьи коленки.
Но война им не беда,

Раны тоже ерунда,
Все до свадьбы заживет.
Не боится драк народ.
А старушки все ругались,
И собаки их боялись,
Даже стая голубей
Улетела прочь скорей,
Чтоб под пули не попасть.
А меж тем все крепла страсть.
Друг на друга, строй на строй
Вышли силы две на бой.
С двух дворов в одном сошлись,
Силы в ратный спор слились:
Кто кого переколотит,
Перебьет, перемолотит
Грязью, камнем иль дубьем —
Все равно. Орут: «Убьем!»
Крики, вопли, пыль летит...
Ну а кто же победит?
Кто угодно, но не тот,
Кто в кустах финала ждет.
Не шалун, не забияка,
А тихоня и бояка.
Мальчик мал, и худ, и бледен,
И несмел, и силой беден.
К сердцу тянет он ручонку,
Дрожь видна сквозь рубашонку.
Сверху тоненькой рубашки —
Две нескладные подтяжки,

Чтоб у хилого мальчишки
Не свалилися штанишки.
Притаился не дыша,
В прятки спряталась душа.
Лишь затих немного бой,
Он умчался вмиг домой
И в обломанных кустах
Свой большой оставил страх.

А мальчишки дрались, дрались,
В силе дерзкой состязались
И, наскучив синяками,
Оплеухами, пинками,
Градом палок и камней
Награждать врагов, друзей,
Дружно влезли на забор,
Повели серьезный спор:
Кто в сраженье победил?
Кто в бою лишился сил,
Уступив героям боя?
Где найти среди них героя?
И давай они храбриться,
И давай захлеб хвалиться,
Кто смелее всех из них,
Кто сильнее всех других.
Спрыгнул вниз один детина —
Ой, здоров, в руке дубина,
Гнев в глазах. Сказал в запале:
«А такое вы видали?»
И махнул с размаху ей,
Пень разбив на пять частей.
Встал Силач перед толпой.
Шепчет двор: «Какой герой!»
— «Да, герой, я не хвалюсь.

Никого я не боюсь,
Даже самых злых собак.
Я не вы, я не слабак».
Страх прошелся по забору —
Стало парням не до спору.
Только толстый Здоровяк
Не расстроился никак.
Вышел с голыми руками,
Усмехнулся над кусками
Пня, не тратя время зря,
Ничего не говоря,
Размахнулся и с плеча
На лопатки Силача
Уложил в одно касанье
Под всеобщее признание.
И с улыбкой до ушей
Рявкнул он: «И кто сильнее?»
Но никто не возразил.
Здоровяк тогда спросил:
«Ну, ответьте мне хотя б,
Кто из вас труслив и слаб
Больше всех?» Притих забор,
Молча в землю вперив взор.
Кто ж признается, что он
И труслив, и несилен?
Вдруг какой-то карапуз
Вспомнил: «Есть, я знаю, трус».
— «Кто такой и как зовут?»
— «А живет он в доме тут.

Мало кто мальчишку знает,
Редко он с детьми играет.
Больше он один сидит,
Страх свой дома сторожит.
А зовут его, однако,
Странным именем Бояка».

Вспомнил двор, что есть такой
Не боец и не герой.
Да и прозвище ему
Дали люди потому,
Что среди других детей
Он всех менее храбрей.
А еще он самый хилый,
Не ему тягаться силой
Ни с дворовой ребятней,
Ни с ватагою чужой.
Он сопливых малышей,
Кошек, мошек, и мышей,
И, конечно, злых собак —
Всех боялся. Всюду враг
Был для хилого мальчонки
И его худой душонки.
На него большой испуг
Наведет паук и жук.
Но ужаснее всего —
Тьма ночная для него,
Он и тень свою боится.
Как с таким мальцом водиться?
С папой по двору он ходит,
Мама в сад его отводит.
Ну а если обижать

Будет кто-то, он бежать
Сразу с жалобой домой,
Плач не пряча жалкий свой.
Мамка, добрая душа,
Пожалеет малыша,
Но прохвостов не накажет,
Только вот бедняге скажет:
«С пацанами не водись,
Лучше дома отсидись».
И сидит он день-деньской,
И из дома ни ногой.
А коль выйдет погулять,
То быстрее домой бежать
И дрожать. И только раз,
Не успев в недобрый час
Убежать, в кустах сидел,
Охал, тряся и робел.

Наконец, устав бояться,
Вновь решил он прогуляться.
Одному и страшно было,
Но уж больно в нем заныло
Любопытство – знать хотел
Результат военных дел.
Вышел из дому нескоро,
Видит: нет ни драк, ни спора,
Нет шумихи боевой —
Двор окутан тишиной.
С облегченьем он вздохнул,
Все спокойно оглянул.
На беду, по переулку
Собачонку на прогулку
Бабка вывела гулять.
Вдруг его собачка – хватъ,
Ухватила за штанину;
Не прогонит мальчик псину.
Задрожал он, побледнел,
С места сдвинуться не смел.
И, несмел, и несилен,
Со штаниной рваной вон
Полетел со всех он ног.
Только путь был недалек:
Перед ним пригорок встал,

Трус споткнулся и упал.
И, качаясь неваляшкой,
Он поднялся, но подтяжкой
За корягу зацепился
И штанов чуть не лишился.
Как назло, со всех сторон
Словно полчища ворон,
Будто ждавших жадно дичь,
Чтоб быстрее ее настичь,
Налетела ребятня
Поглазеть на новость дня.
И из глоток злобных всех
Беспощадный рухнул смех.
«Эй, Бояка, вот позор!» —
Потешается весь двор.
Смех у взрослых, и детей,
И у птиц, и у зверей.
Даже лужа расходилась —
Рябью со смеху покрылась.
Отраженье солнца в ней
Тоже стало веселей.
Лишь одна душа из всех
Не издала горький смех,
В тень тихонько отступила
И с Боякой загрустила.
Посмеяться не могла —
Плаксой девочка была.
И никто за горечь слез
Не любил ее всерьез.

И Бояка, даже он,
Не терпел слезливый тон.
Но, однако, в этот раз
Не сводил он с Плаксы глаз,
И ее печальный взгляд
Был Бояка встретить рад.

Время шло себе и шло,
Позабылось, было, зло,
Жадный смех, и жалкий стыд,
И печальный Плаксы вид.
Но вражда, не тут-то было,
Нрав свой гневный не забыла,
И при случае любом
Шли сраженья всем двором.
Так однажды днем обычным
Велся бой с битьем приличным,
В смелой, жаркой перепалке
Камни сыпались и палки.
И старушки тут как тут,
Злой укор воякам шлют.
Но бойцы, не зная страх,
Добывают честь в боях.
В битве бравая братва
Не заметила сперва,
Как во двор, визгливо лая,
Ворвалась собачья стая.
Бой на время был отложен,
Двор стал чутко насторожен,
Вмиг затих накал атаки.
Перепуганы собаки
Были до смерти. Но кем?

Вскоре ясно стало всем:
Позади собак неслась,
Свирепея и бесясь,
Не какая-то болонка,
Не щенок, не собачонка —
Появился волкодав.
Страшен был звериный нрав,
Страшен дикий, громкий рев,
Пена капает с клыков,
И глаза огнем горят.
Ни старушек, ни ребят
Не осталось. Пуст и гол
Двор. А пес сердит и зол,
Пастью вокруг голодной тыча,
Ищет, рыщет, где добыча.
Злому гостю не найти
Дичи здесь. Но на пути
Встала вдруг пред носом зверя
Девочка. Глазам не веря,
Пес на миг оторопел,
С места двинуться не смел.
Видит он: не дог, не такса,
А девчонка – нытик, плакса.
Одуванчики нарвала
И угрозы не видала.
Встала, замерла. Вот-вот
Пес малышку загрызет.
А она лицо закрыла
Ручками, как столб застыла

И ни с места, только плач.
Не помилует палач.
Кто придет на помощь ей?
Где найти таких друзей?
Кем бы ни был тот смельчак,
Но не сдюжит – страшен враг,
Не решится в бой вступить
И девчонку защитить.
А собака между тем
Встала близко уж совсем,
Ощерилась, пасть раскрыла,
Зарычала и... застыла.
И весь двор в засаде вмиг
Замер – странный вид возник:
Плакса с видом жуткой муки
Отстранила с дрожью руки
От лица и, страх не пряча,
Зашептала что-то плача.
Двор заерзал в ожиданье,
А девчонка заклинанье
Шепчет, шепчет... Пес пред ней
Стал угрюмей и слабей,
Опустил к земле он пасть,
Хвост поджал, вот-вот упасть
Он готов. Лишенный сил,
Взгляд пощады попросил.
Плакса с детской добротой
Отпустила пса долой.
Восвояси он пошел

Ни свиреп, ни дик, ни зол.

Только зрители вокруг
Удивлялись: как же вдруг
Жалкий детский шепоток
Победить злодея смог?
А девчонка, как немая,
Лишь плечами пожимая,
Уходила дальше в тень —
Отвечать ей было лень.
В это время из-за кочки,
Подобрав ее цветочки,
Вышел цел и невредим,
Любопытством весь томим
Мальчик. «А, Бояка, ты!
Ну, спасибо за цветы».
И спросил тогда Бояка:
«Отчего тебя собака
Не погрызла, не поела?»
Отвечает Плакса смело:
«Я слова ей прошептала —
И она не покусала».
— «Это что же за слова?
Врешь, небось, ты“. — „Я права.
Слов волшебных есть немного,
От угрозы в них подмога.
С ними страха не боюсь

И с тобою поделюсь».
«Говори же», – он шепнул,
Замер, жадно взгляд метнул.
Плакса вздрогнула сперва,
Но в себя пришла. «Слова, —
Говорит, – совсем просты,
Их легко запомнишь ты.
Только так глядеть в глаза,
Ой, не надо». Аж слеза
У девчонки побежала,
И девчонка продолжала:
«Я не плакса, не бояка,
Не боюсь тебя, собака.
Что, запомнил? Повтори.
Ну, смелее, говори».
– «Да... как будто... я не знаю,
Плохо я запоминаю».
– «Ничего, как встретишь страх,
Вспомнишь вмиг о всех словах».
И Бояка весел стал —
С Плаксой страх его пропал.
Плакса тоже весела —
С ним печаль ее прошла.
Слезы выплакав до дна,
Засмеялась она.
И Бояка засмеялся,
Он уж больше не боялся
Ни клыков, ни кулаков,
Стал и смел он, и здоров.

Иль ему так показалось.
Но с тех пор ему случалось
Ожидать обид других.
«Вон невеста и жених», —
Слышал с Плаксой шепот злой.
Но, на всех махнув рукой,
Он пустой не слышал звон —
Подружился с Плаксой он.

Дружба дружкой протекала,
И вражда не отступала:
То погоня, то война,
То разборки... Жизнь страшна.
Все сидел и трясся дома,
Дрожь была ему знакома.
Только раз, не усидев,
Побежал во двор, задев
На пути возникший стул.
Лишь за дверь он заглянул,
Слышит мамин строгий зов:
«Ты куда? От пацанов
Кто тебя там защитит?
Если встретится бандит,
Что тогда?» Малыш вздохнул,
И на место стул вернул,
И присел, но лишь на миг,
И издал он бодрый крик:
«Никого я не боюсь!
Если надо, защитюсь!»
Мама только головой
Покачала: «Эх, герой!
Все равно поберегись».
Ей Бояка: «Не бойсь», —
Вниз стрелою полетел,

С Плаксой встретиться хотел,
Чтобы с нею погулять,
Одуванчиков нарвать.
Только с ней не повстречался —
На ораву он нарвался:
Три молодчика со скуки,
В кулаки зажавши руки,
Шли забавы поискать,
Кулаками помахать.
А ребята не свои,
Чужаки-то здоровы,
Женихом не обзовут —
Шкуру заживо сдерут.
Вот один поднял кирпич,
А второй воскликнул клич:
«Эй, держи его, братва!»
Засучили рукава.
Третий выбежал вперед —
Смерть Бояку точно ждет.
И тогда что было сил
Писк он жалкий испустил:
«Ой!» А дальше замолчал —
Сил для крика не сыскал.
Но зато у тех троих
Голос был отнюдь не тих.
Так один молчать не стал,
Басом хриплым прорычал:
«Да, орать-то он горазд,
Может, даже сдачи даст».

«Как же даст, ведь он слабак,
Знать не знает, где кулак», —
Говорит второй. Без слов
Третий бить уже готов.
Трое, дико хохоча,
Воздух бьют уже сплеча.
Тут Бояке б испугаться,
Он же – нет, давай спасаться.
Зная двор, как дом родной,
Мимо всех троих стрелой
Мигом за угол удрал
Дома ближнего. Подвал
Ждал его. Открыта дверь.
Вот где спрячется теперь!
Он влетел, подпер доской
Изнутри дверь. Сам не свой
Замер он, дрожит от страха,
Взмокла вся на нем рубаха.
В дверь стучат. Не знает он,
Худо ль, крепко ль защищен.
Дверь скрипела, но стояла,
И доска не подкачала.
А потом и шум пропал —
Биться в дверь кулак устал.
А Бояка все боится.
Хоть и страшная темница,
Все же лучше, как никак,
Чем не дружеский кулак.
Ну а есть ли тут защита?

Темнотой все плотной скрыто.
Любопытством поборов
Страх, хоть был он и здоров,
Разузнать беглец решил,
Что подвал в себе таил.
Заплутал Бояки взгляд
Среди метел и лопат,
Среди старых труб и шин,
Среди мха и паутин,
Среди сора по углам.
В темноте подвальный хлам
На чудовищ был похож.
Пробирала гостя дрожь.
А попал не на войну —
Был у страха он в плену.
Взял за горло труса страх,
Держит пленника в тисках.
Убежать-то он не прочь,
Только двинуться невмочь.
Да куда ж бежать ему —
В дверь к врагам или во тьму?
Там и тут – везде пропал.
Невеселый ждет финал.

А Бояка все стоял,
Все конец свой жалкий ждал.
Только он не приходил
И Бояку не щадил,
Не давал ему ничуть
Позабыть ни страх, ни жуть.
От нахлынувшей тревоги
Уж его подмялись ноги,
А от пережитых бед
Уж померк последний свет.
Нету сил и нет спасенья
От такого невезенья.
Так бы, видно, умер он,
Страхом смертным побежден.
Но внезапно слух усек
Чей-то слабый хохоток.
Тихий смех все рос, крепчал,
Вскоре хохотом он стал
Громким, звучным, и шальным,
Но нестрашным и незлым.
Тут напрягся весь Бояка,
Задрожав сильней, однако,
Но без чувства не упал
И боязнь не растерял.
И от жгучей жажды знать,

Кто посмел здесь хохотать,
Чья звучит в потемках шутка,
В тишь прислушался он чутко.
И тогда из бездны мрака
Он услышал: «Эй, Бояка!
Не дрожи, не хнычь, не струсь!»
«Я не трусю, я боюсь», —
Отвечает трус, трясясь,
С содроганьем в тьму косясь.
А потом закрыл глаза,
А потом стекла слеза,
Щеки жгла ему. Тогда
Он не выдержал стыда,
Вытер слезы, Плаксу вспомнил,
Прямо встал и вслух промолвил
Те слова, что знал неважно,
Но отчетливо, отважно:
«Страх, уйди; исчезни, жуть!
Не боюсь я вас ничуть.
Сгинь, испуг; исчезни, мрак!
Не боюсь я вас никак».

Вслед за тем из тьмы подвальной
Вышел некто нереальный,
Нет, не вышел – покатился,
Точно ком с горы скатился.
Но не темный был комок —
Яркий, словно огонек,
Два глазка и рот-прореха
Для веселья и для смеха,
Круглый, колкий, словно еж.
И Бояка сразу в дрожь,
Шаг за шагом отступает.
Шар – за ним и все пугает:
То подставит колкий бок,
То навевет холодок,
То колючкой пощекочет,
То как прыснет, захохочет,
Искры аж да по мальчишке,
Нет, не искры, а ледышки
Сыплет, сыплет и смеется.
Трус от холода трясется
И от страха. Так дрожал,
Что и сам захохотал.
Не поймет теперь никак —
Он бояка иль смельчак?
Да не все ли тут равно,

Коли так ему смешно.
И не холодом колючим —
Заражает смехом жгучим,
Заряжает душу в нем
Шар веселым огоньком.
И сквозь хохот заводной
Шару гость: «Ты кто такой?»
— «Ты со мною не знаком.
Я не еж, не шар, не ком.
Под землей я обитаю,
Деток маленьких пугаю.
Но люблю я смельчаков,
Их всегда страшить готов.
У меня такой уж вкус:
Мне не люб слабак иль трус.
Ну а ты, я вижу, смел —
Хохотать со мной посмел;
Я тебя заужал
И с тобою весел стал.
Ты, как я, не прочь смеяться.
И тебе ль меня бояться?»
«Нет, — Бояка отозвался.
Только тут же сам признался: —
Ты сперва мне страшен был,
А потом я страх забыл.
Ты ведь, правда, не драчун?»
Рассмеялся хохотун:
«Ох, опять ты рассмешил.
У меня не будет сил,

Злости тоже не найдется.
Тот, кто весел, не дерется.
Разве буду драться я?
Ну, потрогай же меня».
И мальчишкина рука
Потянулася слегка
И нащупала комок —
Мягкий тепленький пушок.
Незнакомец пояснил:
«С шуткой я и добр и мил.
И с тобою я таков —
Без шипов и холодов».
— «Да, ты вовсе не вояка,
А вот я... а я... Бояка.
Видно, ты меня уж знал,
Раз по имени назвал».
Мальчик снова сник, вздохнул.
«Тьфу на имя, — ком мигнул
Огоньком в холодной тьме. —
А теперь пора бы мне
Рассказать, кто я такой.
Я не зверь, не маг какой,
Я не грозен, не жесток,
А зовут меня Пужок.
Я из всяких духов злых,
Мрачных, жутких, неземных,
Самый меньший, самый младший,
Самый кроткий и нестрашный.
Правда, есть один изъян —

Я и неслух, и буян,
И на шалости я гош,
И в веселости хорош,
И не страшен, как кажусь,
Потому-то и смеюсь.
А тебя давно я знаю —
За тобою наблюдаю,
Чтоб при встрече испугать,
Силу страшную сорвать.
В этом вся моя работа,
Но с тобою неохота
Сеять холод, страх и мрак,
Ведь по сути я добряк.
Только знай: при свете дня
Не увидишь ты меня —
Света очень я боюсь».
– «Света? Ой, я рассмеюсь.
Ведь совсем не страшен свет.
А в тебе и страха нет».
– «Ох, Бояка, это так,
Но без мрака я никак,
Он как воздух нужен мне.
Жить могу я лишь во тьме.
Ну а свет, наоборот,
Он за миг меня убьет».
«Не грусти, – теперь другой
Стал поддержкою живой. —
Уж поверь ты мне, Бояке,
Мне с тобою и во мраке

Будет весело, светло,
Будто солнышко взошло.
Поболтать с тобою мне
Интересно и во тьме.
Ты про грусть свою забудь,
Расскажи чего-нибудь».
И Пужок стараться рад,
Речь повел на новый лад.

Слово за слово звучит,
И Бояка не молчит,
И без смеха, и всерьез
Задаёт он свой вопрос,
Говорит: «Откуда ты
Взялся?» – „Прям из темноты.
Да не я один такой —
Много наших под землей.
Где они, там тьма, безлюдно,
Разобрать в потемках трудно
В мрачном скопище теней
Чудищ с лицами людей.
Все они кривы, горбаты,
И лохматы, и рогаты,
Кто с клыками, кто с когтями,
Кто с колючими шипами».
Мальчик вздрогнул, но потом
Смелость вновь проснулась в нем.
Вновь Пужок повел рассказ
Не на миг – на целый час:
«Братьев много у меня,
Все они моя родня:
Страх, и Смерть, и Страсть, и Жуть —
С ними в жизни не уснуть,
Мрак, и Ужас, и Кошмар —

А от них кидает в жар,
А еще Гроза, и Гром,
И чудовищ полный дом.
Дом и темен и глубок,
Под землею тот чертог.
И сидит владыка тут,
Посмотри-Умри зовут;
Страшен жуть, скажу тебе,
Даже мне не по себе;
Всех уродливей, темней,
Кровожаднее и злей;
Тоже круглый, как и я,
Но огромное меня
Да к тому же волосат,
Пакли мрачные висят.
А меж ними глаз горит,
Страшен, грозен, ядовит.
Этот глаз всего один,
Но, скрываясь средь седин,
Видит в темени далеко.
Взором губит злое око
Несчастливчика того,
Кто посмеет вкось его
Посмотреть, и тех людей,
Кто трусливей и слабей.
Из глубин огнем горит,
Взглянет – в прах испепелит.
А еще Умри без ног,
Но проворней всех ходок.

Нету рук, а попадись
Ему под руку – простись
С жизнью, вмиг удушит он.
Гневом дух его силен».

А Бояка не боится,
Интерес в глазах искрится,
Интерес пылает в нем,
Обдает Пужка огнем.
«Ух! Аж страшно. Эй, малыш!
Испугался? Что молчишь?»
– «Нет... немного... так, чуть-чуть.
На меня наводит жуть
Твой рассказ. Однако мне
Заглянуть к твоей родне
Жуть как хочется глазком
Хоть одним, в твой страшный дом».

«Ой! – воскликнул вдруг Пужок. —
У меня ведь есть должок.
Я же должен дома быть
И задание получить,
Как, когда, куда бежать
И кого еще пугать».

– «Ах, и мне пора домой,
У меня он тоже свой.
Мама ждет давно меня
И боится, где же я.
Не вернулся со двора.
Жаль, но мне уже пора».

Соглашается Пужок

С грустью: «Что ж, прощай, дружок».

А Бояка медлит, он

Расставаньем огорчен.

«Если мы с тобой друзья,

То прощаться нам нельзя

Навсегда“. „Конечно, нет! —

Был веселый дан ответ. —

Будут дальше наши встречи».

Только тот не верит речи:

«Как же мне дружить с тобой?

Не сойдутся свет со тьмой».

– «Не сойдутся? Мы сведем,

Выход как-нибудь найдем.

Веришь мне?» – «Конечно, да!»

– «Вместе горе не беда».

В тот же миг исчез Пужок.

А Бояка на порог

Из подвала кое-как

Выполз сквозь кромешный мрак,

Дверь скорее отворил

И тотчас глаза закрыл:

Солнца свет лучистым днем

Резал, будто бы ножом.

Стойко боль перетерпев,

Вихрем к дому подлетев,

Распахнул и крикнул в дверь:

«Не бояка я теперь!»

Но Бояка и не знал,
Что недавний друг удрал
Не к владыке в подземелье —
Ищет неслух приключенья.
Позабыв про свой должок,
Бегал, прыгал скок-поскок
Из подвала да в карьер,
Волчьих нор да в глубь пещер.
И в глубоких тех мирах
Веселился вертопрах,
Не вникая, есть ли вред
От его забавных бед.
А когда земные страсти
Улеглись, в надземной части,
Высоко на небесах,
Разгорелись жуть и страх.
Там Гроза и Гром не спят,
И грохочут, и гремят.
Им двоим что день, что ночь —
Гром с Грозой шалить не прочь
Над страдалицей-землей
В небе черном, как смолой,
Сплошь покрытом мрачной тучей,
Черной, грозной и гремучей.
Вспыхнет Молний жуткий свет,

А за ними Гром в ответ,
Небеса разверзнут пасть —
Ливень, Град готовы пасть
Под ужасный грохот их.
Не останется в живых
Ни одна из робких душ.
А они и рады уж.
А под небом, на земле,
Страхов тоже тьма во мгле.
Тетка Дрожь сама дрожит
И другим дрожать велит.
Раз к кому-то прикоснется,
Тот дрожит и весь трясется;
Будто ток, через него
Колдовство, дрожа, свое
Пропускает злая Дрожь.
«Ха-ха-ха! Меня не трожь.
Тронешь – уж не убежишь,
Затрясешься, задрожешь.
Ха-ха-ха!» – кричит она,
Силы пакостной полна.
Ночью Мрак выходит в путь,
Мраку ночью не заснуть;
Пробегая по дворам,
Сеет темень тут и там,
Чтоб никто гулять не смел,
Будь прохожий храбр и смел.
Ну а если он бояка,
Будет радость тут для Мрака —

Темнотою окружит,
Заколдует, чувств лишит.
Ужас, Страх, Кошмар и Жуть
Свой для козней ищут путь,
Рядом бродят Смерть и Страсть.
Силы злой безмерна власть.

Но их всех был тих и мал
Страх, в сравнение не встал
С тем ужасным духом злым,
Посмотри-Умри самим.
Он владыка духов сих,
В страхе держит души их,
И, куда кто побежит,
Всюду глаз за ним глядит.
Взгляд холодный, острый, злой
Все пронзить готов собой.
Сквозь пространство, свет и тьму
Видно все всегда ему.
Днем и ночью нет защит —
Глаз недремлющий не спит.
Негде скрыться от него —
Вездесуще ока зло.
И с сокровищем таким
Он силен, неустрашим.
Но про шалости Пужка
Лишь узнал, уж злость крепка
Стала в нем еще сильней.
Возмутившись, поскорей
Собирает духов рать —
Нрав несносный обуздать.
Одноглазый господин

В темноте земных глубин
Мрачной тенью восседает,
Слово грозное вещает.
Перед ним чудовищ ряд,
Присмирившие, молчат.
Царь, в сердцах расвирепев,
На страшилищ рушит гнев:
«Почему средь ваших рож
Самой малой не найдешь?
Где нахальный ваш Пужок?»
В дрожь уродцы – и молчок.
Разве знать они могли,
На каком конце земли
Неуемный тот пострел
Оказаться вдруг успел?
И каким он баловством
Занимается? О нем
Ниоткуда нет вестей.
Только царь все свирепей:
«Разузняйте, разыщите.
Не найдете – трепещите,
Спуску я потом не дам.
Ну, живей по всем краям
И по всем концам земным
Марш скорей, бегом за ним!»
И с испугу храбрецы,
Подскочив, во все концы
Побежали без оглядки,
Аж во тьме сверкали пятки,

И зубов тревожный стук
Выдавал их всех испуг.

Но, немного пробежав,
Беглый свой уняли нрав,
Духи замерли чуть-чуть
И решили отдохнуть.
И со всех сторон в одной
Снова встретились гурьбой,
И в укромном уголке,
Не вблизи, а вдалеке,
Собрались они кружком,
Пораскинули умом,
Стали думать, рассуждать,
Вслух сомненья разрешать.
«Надо нам найти Пужка,
А не то прощай башка», —
Излагает мыслей суть
Гнусным писком грустно Жуть.
«Да, – Кошмар заметил, – братцы,
Очень нужно постараться,
Чтоб Пужок лишился сил,
Чтоб удалый дух простыл,
Чтоб покорного буяна
Без борьбы и без обмана
Повязать, скрутить, свернуть,
Посмотри-Умри вернуть».
«Посмотри-Умри, нет слов,

Беспощаден и суров, —
Отвечает тихо-тихо,
Будто чует близко лихо,
Ужас бледный и унылый. —
Нам ли мериться с ним силой,
С Посмотри-Умри? Он нас
Уничтожит в тот же час,
Как узнает, что поймать
Не смогли Пужка“. „Как знать, —
В спор вступает тетка Дрожь, —
А возьмешь да и найдешь».
«Как поймать? – не верит Мрак. —
Ведь он вырваться мастак».
Смерть терпеть уже не рада.
«Нам толпой всем вместе надо, —
Шепчет, – раз! и налететь,
Побороть и одолеть.
А не то – кончай игру,
В страхе я сама помру».
Совещанье погудело,
Пощумело – и за дело.
Первой Страсть пустилась в путь:
«Я смогу его вспугнуть».
«Ни к чему пугать. Удар
Дам ему», – кричит Кошмар.
Смерть свое: «Зачем же бить?
Лучше сразу погубить».
Согласился Ужас с ней:
«Да, убить – всего верней».

– «Я пострела задушу».
– «Я схвачу и укушу».
– «Ну а я как жару дам,
Вмиг сгорит». И тут и там
Крик: «Убить наверняка.
Был Пужок – и нет Пужка».
И, взведенные, в запале
В темноту ночи помчали
Черной стаей грозных сил —
Дух расправы их будил.
Ну, теперь держись, Пужок!
Вышел твой веселый срок.

А пока, грозы не чуя,
Дух веселый свой балуя,
И задор, и пыл, и прыть,
И желанье пошалить,
Нагулявшись по пещерам,
По глухим подземным сферам,
По глубинам недр, Пужок
В свой вернулся уголок,
Там резвился и играл.
Домом стал ему подвал.
Да к тому ж, домашний круг
Согревал недавний друг.
Познакомившись едва,
Не разлей они вода
Стали. Всюду праздник им,
Вместе радостно двоим,
Пополам и смех, и страх,
И задор во всех делах.
Ну а дел у них не счесть:
Поиграть, на крышу влезть,
Громко с крыши посвистеть,
С горки кубарем слететь,
Попугать собак, ворон,
Погонять и скрыться вон,
Схорониться вновь в подвале,

Чтобы уши не надрали,
Не пожаловались вдруг
Маме с папой, чтоб вокруг
Знать никто не знал о том,
Где Бояка был с Пужком.
Ну а как же друг без друга
Можно жить? Спроси у друга.
Ну а если друг – Пужок,
И запрет на солнце строг,
И без тьмы ему не жить,
Как тогда с таким дружить?
Пригодилась тут смекалка,
И не шатко и не валко,
И без трудностей и мук
Выход сам нашелся вдруг.
В соре подпола мешок
Затерялся. «Эй, Пужок!
Живо внутрь него ныряй
И в мешке со мной гуляй».
– «Ну, Бояка – голова!
Я б додумался едва.
Мне ведь свет, увы, не мил,
Свет бы вмиг меня убил.
А под этой плотной тьмой
Я веселый и живой».
Так, нагруженный мешком,
Погулять себе пешком
Выходил Бояка в свет.
А ему и горя нет,

Ведь в мешке, надежно скрыта,
Мальша была защита.
Говорит Бояке друг:
«Если кто пристанет вдруг,
Ты мешком, тьфу, мной закройся
И налетчика не бойся.
Я его прожгу, как ток.
Он запомнит твой мешок.
Ха-ха-ха!». Пужок смеется,
И Бояка с ним трясется
Не от страха: просто смех —
Победитель страхов всех.

Раз мальчишечий задор
Погулять его во двор
Вывел. Встал Бояка там
И глядит по сторонам:
И безлюдно, и уныло,
Будто где в пустыне было,
А не возле дома. «Как
Мне гулять без войн и драк?» —
Говорит. И слышит он
Чей-то тихий, жалкий стон:
То ли птичка голосит,
То ли мышь в траве пищит.
Нет, не птичка и не мышка —
Плаксу высмотрел мальчишка.
С той поры, как смел он стал,
Так ее и не видал.
И теперь был встрече рад,
Но плаксивый встретил взгляд.
«Ты чего реवेशь?» – он ей
Говорит. Она сильнее
Слезы горькие пускает,
Отвечать ей рев мешает:
«Я несла... Я, ой... Я, ай...
Я цветочки... «Догоняй!» —
Тот, здоровый, им кричит

И меня поймать велит
Пацанам. Мои цветочки
Полетели все на кочки.
Я сама упала тут,
А они стоят и ржут.
А меня... а мне... а я...
Больно. Ножка вот моя.
У-у!“ – „Не плачь, нога пройдет,
А их всех расплата ждет.
Им такой задаст урок
И не кто-то, а Пужок!»
Плакса долго не грустила,
Быстро плакать прекратила.
Любопытство не порок.
«Это кто такой Пужок?» —
Говорит уже без слез,
Утирая мокрый нос.
Тот в ответ ей гордо: «Он
Лучший друг мой с тех времен,
Как в подвал... Но суть не в том,
А в товарище моем.
Не как все, совсем другой,
Он всамделишный, живой,
Но не мальчик. Этот друг —
Очень маленький испуг.
Он не шарик, не кружок,
И не ком, и не клубок,
Словно маленький котенок,
Он игривый, как ребенок,

Он и теплый, и пушистый,
А во тьме еще лучистый,
Точно солнце». У девчонки
Округлилися глазенки:
«Как не мальчик? Как испуг?
Что за шарик, что за круг?
Почему во тьме горит?»
«Ох, – Бояка говорит, —
Просто чудо есть такое,
Очень доброе, смешное.
Ты с ним можешь подружиться.
Он захочет заступиться
За тебя, а пацанов,
Чтоб не трогали цветов,
И поколет, и помучит,
И девчонок бить разучит.
Вместе выйдем к драчунам,
И тогда не им, а нам
Будет весело смеяться
И глядеть, как надо драться.
Но Пужок не так, как мы,
Не боится вовсе тьмы.
Ничего опасней нет
Для него, чем белый свет.
На свету не проживет,
И погаснет, и умрет».
«Ой, а я, наоборот», —
Плакса снова слезы льет.
«Ты как я, – Бояка ей. —

Мне на солнце веселей.
Но Пужка не брошу я,
Потому что мы друзья.
Я за ним в подвал спущусь,
Хоть немного и боюсь.
Там меня уж ждет Пужок.
Посажу его в мешок,
Чтобы свет его не мог
Ненароком погубить,
И пойдем втроем ходить.
А пока ты тут сиди,
Но меня нескоро жди,
Подожди хоть полчаса.
Там такие чудеса!
Есть такое там, во мгле,
Что не сыщешь на земле.
Я и он не раз в подвале
Штуки разные видали,
Мир волшебный жути, мрака... —
Не уймет восторг Бояка. —
Вверх поднялся – мрак исчез.
Нет, на свете нет чудес».
Плакса рот раскрыла. Ей
Захотелось в мрак скорей:
«Если мир тот так хорош,
Ты меня с собой возьмешь».
Но Бояка: «Нет, – сказал, —
Не для девочек подвал.
Самому мне страшно было.

Ты бы страх не победила».
«Победю!» – кричит она
И слезами вновь полна.
Сердце бедного Бояки
Не снесло сырой атаки.
Он вздохнул, махнул рукой.
«Не реви, идем со мной.
Только, чур, без жалоб впредь
И, конечно, не реветь.
Ну, идешь?» – «Конечно, да!»
Вместе горе не беда.

Средь мальчишек в ту же пору
Только было разговору
О Бояке. Как случилось,
Как сквозь землю провалилось
Существо его, о том,
Как он вышел, а потом
Стал решителен и смел
И бесстрашный вид имел?
«Да никак, – решил Смельчак,
Потирая свой кулак
И с забора не слезая. —
Тут история такая.
Он бояка, как и был.
Невелик Бояки пыл.
Только раз я увидал,
Как забрался он в подвал,
Убегая от троих
Пацанов, чужих и злых.
А уж как вернулся он
Из подвала, стал силен».
«Да, – согласны с ним друзья, —
И узнать его нельзя.
Он уже не с папой-мамой —
Ходит сам, отважный самый,
И во двор, и в детский сад,

Дать отпор любому рад.
Кто хоть пальцем тронет, тот
От расплаты не уйдет».
Хором дружно на заборе
Увлечлись мальчишки в споре,
Вспоминая, где и с кем
Был Бояка. Но ничем
Не решился шум и гам.
И решили по следам
За Боякою ходить,
Любопытство победить.
А Бояка был простак,
Повстречавшись, просто так
Тайну выдал им свою.
«Ничего не утаю, —
Говорит. – Но, чур, молчок.
У меня есть свой мешок.
Если выйду по двору
Погулять, его беру.
А мешок-то не простой:
Там секрет волшебный мой».
– «Ну, а дальше?» Дальше – вжиг,
Со двора исчез он вмиг,
Не раскрыв им свой секрет,
А не то бы кучу бед
На себя всерьез навлек:
Не был с ним тогда мешок.

Так с секретом он своим
Не давал покоя им.
Выйдет чуть он поутру —
Будто ветром детвору
Сносит тут же по углам.
Из углов и тут и там
Души зоркие глядят,
Подразнить его хотят.
Подлетит один стрелой:
«Эй, Бояка, ну-ка, стой!
Ты куда засобирался?
Я с тобой не рассчитался.
У меня к тебе должок.
Получай!» Но тут мешок,
Что в руках Бояки, вдруг
Сам как вырвется из рук,
На удары драчуна
Сдачи он дает сполна.
Да не весом бьет с наскока,
А как будто силой тока,
Колет круглый пряткий шар,
Приводя и в дрожь, и в жар.
Долго это продолжалось,
И однажды вновь собралось
Население. И двор

Важный начал разговор.
Самый главный, самый старший,
Самый сильный и бесстрашный,
Восседая на заборе,
Начал первым в жарком споре.
«Нет теперь у нас житься, —
Говорит он. – Я не я
Буду, если не найду
На Бояку я узду».
«Точно! – двор кричит в ответ. —
От Бояки спасу нет».
Кто-то пуще всех орет,
Затыкая прочим рот:
«Бьет он током всех подряд».
«Нет, не всех, а кто вредят,
Дразнят мальчика, и бьют,
И прохода не дают», —
Так один среди мальчишек
Возразил, и много шишек
Он за это получил,
Чтоб вперед умнее был
И бояк не защищал.
Только тише двор не стал.
Словно улей диких пчел,
По задворкам гул пошел,
Затерялся по углам.
Двор наполнил шум и гам.
Мыслят, спорят и орут,
Что Бояку вмиг найдут,

И как следует проучат,
И колоть друзей отучат.
Только где найти его?
Во дворе путей полно.
Рвется спор из жарких глоток,
И в какой-то околоток
Он пробрался и застрял.
Там Бояка шел в подвал.
Тут один из всех ребят
Мельком бросил беглый взгляд
В угол, тут же подскочил
И в сердцах заголосил:
«Вижу, вон! Беги! Держи!»
«Эй, потише, не визжи, —
Улей шумному в ответ. —
Что, Бояки видишь след?»
— « Да, я первым увидал.
Он туда пошел, в подвал.
Не один – ведет кого-то.
Как тут быть? Мне страшно что-то».
А Смельчак: «Фу, страх нашел.
Плаксу он в подвал повел.
И зачем она ему
Под землей? Смотреть на тьму?
Может, хочет он в подвале
Напугать ее? Едва ли,
Сам ведь трус“. – „Еще какой!
Может, прячет под землей
Свой секрет?“ – „Конечно, так! —

Вскинул голову Смельчак. —
Так чего же мы сидим?
Все вперед, в подвал, за ним!»

Места много во дворе,
Где побегать детворе,
Погулять, позаниматься,
Поиграть, побить, подраться.
Но заброшенный подвал
Враз для всех приманкой стал.
Да не только для ребят —
Силы зла туда хотят
Глубже щупальца пустить
И бродягу изловить,
Чтобы выполнить приказ
Тот, что дал им вещей глаз.
И десант подземных сил
Бег свой скорый устремил
В глубь двора, где был подвал,
Где Пужок Бояку ждал.
Но Бояка, как известно,
Не один пришел на место —
Плаксу он привел с собой.
А за ними шумный строй
Незадачливых вояк
Вниз спустился в черный мрак.
Неприветливый подвал
Лихость юную встречал.
Скрылась лишь братва лихая,

Тут же в подпол сила злая,
Чудищ страшных череда,
Ворвалась стремглав туда,
Где врагов и где друзей
Случай свел среди теней.

Первым в подпол залетел
Гром и яростен, и смел.
Гром ворвался в подземелье —
Началось землетрясенье.
Стены ходят ходуном,
Тряска, грохот, пыль столбом.
Шум великий напустил,
Но нисколько не смутил
Никого в потемках. Скоро
Остальных ворвалась свора
Духов. Войско ворвалось —
Представленье началось.
Дрожь, и Град, и Смерть, и Страх,
Мрак с Кошмаром впопыхах
Догоняют Страсть и Жуть.
«Помогите, кто-нибудь!»
Трах, бабах, удары, взрывы.
«Вы убиты или живы?»
Силы зла кружатся рьяно
С мощью буйной урагана,
Сбив, кто был в подвале, с ног,
Чтоб никто и встать не смог.
И не ведали они,
Что в подвале не одни
Были в гонке за Пужком.

Люди мощный им прием
Оказали б без труда,
Только вот одна беда:
Тумаки ребячьих рук,
Кулаков, коленок стук
Были шуткой лишь пустой
Против силы громовой,
Против Страха, Мрака, Града,
Страсти, Смерти, Камнепада.
И ребята не могли
Знать, что где-то в тьме земли,
Кроме малых двух ребят,
Силы зла сюда влетят
И напустят пыл, и жар,
Шум, и ужас, и кошмар,
Гром, и молнии, и страсть.
Завертелась так напасть,
Что любой герой-храбрец
Встретит скорый здесь конец.

Зло в потемках бесновалось,
Представленья продолжалось.
В вихре жуткой кутерьмы
Силы Смерти, Страха, Тьмы
Жгут и током, и огнем,
Мнут и бьют коварством, злом,
Заглушают громом вой,
Воплем, визгом – стон глухой.
Искры сыпятся из глаз.
Верной смерти близок час.
Но Силач уж тут как тут:
«Эй, ребята, наших бьют!»
И на голос вожака,
Хоть на силу не ловка,
Рать ребят сквозь гром и тьму
Дружно кинулась к нему,
Чтобы друга поддержать,
Чтоб победу одержать
Иль в бою погибнуть враз
Вместе всем в единый час.
У мальчишек крепкий дух,
У мальчишек чуткий слух.
Но и им в глуши подвала
Сил с отвагой не хватало,
Чтоб злодеев одолеть

И самим не умереть.
Кулаками пацаны
Драться с Тьмою не сильны,
Не побьет Грозу рука.
Видно, смерть уже близка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.